

Проф. Н. М. НИКОЛЬСКИЙ «История русской церкви»¹. Изд. 2-е. ОГИЗ. «Московский рабочий». 1931 г. Стр. 398, с 85 рис. Ц. 3 р. Тираж 10 000.

Книга проф. Н. М. Никольского представляет собою расширенное повторение его появившейся в 1930 г. (в издании «Атеиста») «Истории русской церкви», в свою очередь представлявшей переиздание тех статей по истории христианства в России, которые проф. Никольский помещал в трех первых изданиях «Русской истории с древнейших времен» тов. М. Н. Покровского. В последующих изданиях «Русской истории» Покровского этих статей уже нет.

Различие между 1-м и 2-м изданием книги проф. Никольского выразилось главным образом в дополнительном фактическом материале при сохранении за немногими исключениями (глава о сектантстве) прежних концепций и характеристик.

В частности: Глава I-я I-го издания («Дохристианские верования и культуры на Руси») расширена: а) прежде всего кратким введением о методах реконструкции, б) затем вкратце в 1-м издании различие более примитивных и более поздних верований приднепровского славянства разработано в две самостоятельные главы, и наконец в) сделана попытка обрисовать не только сельскую, но и городскую, точнее княжье-дружинную религию древних славян накануне так называемой «эпохи крещения Руси», т. е. около X века (собственно здесь Никольский лишь передает вкратце выводы из известной, появившейся еще года за четыре до революции, книги Аничкова «Язычество и древняя Русь»).

Кроме того сильно увеличены отделы, относящиеся к описанию так наз. Никоновских реформ и церковных реформ Петра I, окончательно способствовавших превращению церкви в одно из ведомств царской бюрократии; здесь тоже введены новые главы, например о соловецком бунте и осаде этого монастыря войсками царя Алексея Михайловича в 1667—1676 гг. Значительно расширены отделы старообрядчества и сектантства, приведена краткая история возникновения главнейших беспоповских толков.

Изложение истории господствовавшей до революции русской церкви доведено до убийства Распутина, т. е. почти до 1917 г., история старообрядчества даже до 1927 г. Впрочем, новейшие, как раз более интересные для нас, этапы,

¹ Настоящая рецензия сигнализирует антирелигиозному активу о необходимости самого критического отношения к выходящему уже вторым изданием труду Н. М. Никольского. В одном из ближайших номеров редакция даст развернутый разбор крупных принципиальных и методологических ошибок, допущенных в этой работе.

не в пример хотя бы эпохе феодализма, обрисованы Никольским как раз счечь белго и сухо.

Сильно расширен в разбираемой нами книге, сравнительно с 1-м ее изданием, иллюстрационный материал. Из более ценных пособий этого рода можно отметить несколько снимков с икон пресловутого Боровиковского, художника конца XVIII века, особенно наспециализировавшегося на изображениях царской фамилии и царских фаворитов в виде святых. В частности любопытен рисунок 58 (стр. 194)—икона благовещения, где богородица представляет собою портрет Екатерины II, а архангел Гавриил князя Потемкина. Этот материал в книге проф. Никольского пожалуй для антирелигиозников наиболее интересен. Жаль только, что иллюстрации отпечатаны не очень ясно. Кроме того к рисункам следовало бы дать более подробные разъяснения. Например, под упомянутым рис. 58 имеется лишь сухое обозначение, что это икона из Могилевского собора, и ничего не сказано не только о классовом значении таких икон, но даже и о том, с кого срисованы показанные на ней лица, чем обезличивается антирелигиозное значение данной иллюстрации.

Наконец, к книге приложен обширный список литературы с краткими аннотациями «буржуазная», «советская», «сборник источников» и т. д. К сожалению, как раз именно советская антирелигиозная, непосредственно относящаяся к истории русской церкви и сектантства в России, литература представлена, не в пример буржуазной, очень небрежно и с большими изъятами.

Сам по себе материал, приводимый проф. Никольским, кроме некоторых этнографических данных из белорусского фольклора, помещенных в начале книги, не нов, представляет в большинстве случаев компиляцию из работ буржуазных русских историков. Схема истории русской церкви (русской религии, как заявляет сам автор, см. предисловие 1-е) вкратце такова: а) к началу так называемой эпохи крещения Руси русское славянство переживает разложение родового строя. Этому периоду в религии приднепровских славян соответствует анимизм, пережитки культа предков и натуралистические культы. За всем этим однако дохристианская религия русских славян заключает в себе, якобы, ряд доанимистических пережитков. (Н. М. Никольский упорно отстаивает наличность религии еще до анимизма и в защиту сомнительных и в основе своей реакционных доанимистических теорий происхождения религии пытается собрать во 2-м издании новый фактический материал, впрочем, если разобраться в нем внимательнее, в действительности вовсе не подтверждающий доанимистическую теорию автора). Затем следует б) обрисовка ранней феодальной эпохи и крещения Руси, в) феодальное христианство на Руси или христианство того периода, который преж-

ние русские историки (буржуазные) именовали удельно-вечевым, г) христианство московской эпохи, д) дворянско-чиновничья Русь XVII и XVIII вв. (каждое изображено отдельно) и наконец е) христианство эпохи промышленного капитализма. Все эти периоды представлены Никольским так, что получается впечатление, что тут налицо отдельные социальные формации, встречается даже термин торговый капитализм. Как будто для проф. Н. М. Никольского прошла совершенно бесследно дискуссия в связи с выступлением Дубровского. Мы знаем, что Маркс и Энгельс считали следующей за феодализмом формацией капитализм, у Н. М. Никольского между феодализмом и капитализмом выросло еще две, если даже не три новых формации (купеческая Москва XV—XVI вв., дворянская Москва XVII в., чиновничья, императорская Русь XVIII в. и начала XIX в.). Собственно Н. М. Никольский тут повторяет просто-напросто концепции прежних русских буржуазных историков, деливших русскую историю на периоды по чисто внешним признакам политической организации, а не на основе производственных отношений. Еще немного разработок в таком направлении, и Н. М. Никольский, вероятно, будет делить русскую историю просто по столетиям, принимая каждый век за особую социальную формацию.

Мы не говорим уже о таких реакционных ведущих в конечном итоге в религиозный лагерь концепциях происхождения религии, которые выставлены в 1-м отделе разбираемой нами книги. Проф. Никольский является упорнейшим противником анимистической теории происхождения религии, — теории, на которой построены наши антирелигиозные учебники, — единственной вполне атеистической и антирелигиозной теории происхождения религии.

Его упорство в борьбе против анимистической теории происхождения религии может сравниться разве только с тем упорством, с каким в других своих работах, связанных с происхождением христианства, он, вопреки несомненнейшим данным истории, упрямо и, в сущности, бездоказательно отстаивает историчность личности Христа.

Странна также характеристика роли церковников в истории классовой борьбы. Например, изображая феодальную эпоху (стр. 72 и сл.), Н. М. Никольский особенно подчеркивает происхождение части церковников из крепостных (что им сильно преувеличено) и их зависимое положение от русских феодалов. Получается в общем такое впечатление, что церковники, по мнению разбираемого автора, сами по себе все не содействовали усилению закрепощения крестьянских трудовых масс, а их заставляли защищать крепостное право владельцы феодальных имений, у которых попы находились-де в полном порабощении. Это и фактически было далеко не так, и вывод в таком изложении Н. М. Никольским исторического материала может получиться далеко не антирелигиозный. Также и в отделе, посвященных старообрядчеству и сектанству, чрезмерно много уделено внимания изображению этих религиозных движений, как форм социального протеста закрепощенных низов (стр. 148 и сл.), и очень недостаточно подчеркнута их связь с зарождающимся капиталистическим накоплением и образующейся русской буржуазией. Вообще в работе Н. М. Никольского можно отметить

какое-то мягко либеральствующее отношение к церковникам и в особенности к сектантам.

Хорошо еще, что во 2-м издании император Петр I не выставлен уже больше «первым воинствующим безбожником» на Руси, каким его представлял проф. Никольский в 1-м издании своей книги.

Наконец существенные недостатки книги Н. М. Никольского — это почти полное отсутствие указаний на роль христианства в русской колониальной и империалистической политике (за исключением вопроса об униатах), отсутствие сведений по истории церквей и сект у других христианизированных народов, входящих в состав русского государства. Реюмируя сказанное, мы должны прийти к следующим выводам.

Рецензируемая книга проф. Н. М. Никольского с методологической стороны, к сожалению, не чужда ряда очень крупных дефектов. Конечно, за неимением других пособий ею можно иногда пользоваться как фактическим справочником, но пользоваться нужно осторожно, не беря оценок самого автора.

Конечный же наш вывод такой. Книга Н. М. Никольского лишней раз показывает, что ЦС СВБ нужно издать под своим действительным непосредственным наблюдением учебник или иное какое-нибудь руководящее пособие по истории христианства в России, приспособленное специально для целей нашей антирелигиозной пропаганды; именно христианства в России, а не христианства среди русских. И, конечно, к такой работе необходимо привлечь компетентных специалистов из Коммунистической академии и Общества историков марксистов. Книга же Н. М. Никольского выше, чем простой фактический справочник, расцениваться не может. И даже в этом смысле она, как мы видели, недостаточно полна и не отвечает всем тем требованиям, которые предъявляют к работе по истории христианства в России антирелигиозники различных районов СССР как пособию в своей практической работе.

С. УРСЫНОВИЧ.

И. П. МОРОЗОВ. — «Молокане». ОГИЗ — «Московский рабочий». 1931. 143 стр. 90 к.

Появление книги Морозова вполне оправдывается тем большим фактическим материалом, который она дает по вопросу о современном состоянии молоканства и его политической роли. Контрреволюционность этого движения вскрывается автором на анализе позиций руководящей верхушки молоканства во время гражданской войны, в восстановительный период и особенно в период развернутого социального наступления. Активная помощь молоканских руководителей белогвардейцам во время гражданской войны, «начиная от вооруженного восстания и кончая тихим саботажем, проповедью дезертирства, встречей «белых избавителей» с хлебом и солью», — показана достаточно убедительно. Автор анализирует попытки молоканского руководства приспособиться к советской власти и использовать условия непа для развертывания своей агитационной и вербовочной работы и разоблачает сопротивление вожakov секты ликвидации кулачества, коллективизации и хлебозаготовкам в реконструктивный период. Он разоблачает также вредительскую работу секты внутри колхозов, выражающуюся в хищническом убое скота, в системе использования наемного труда молоканскими колхоз-